

Стасс Бабицкий

ШКУРА НЕУБИТОГО

Сыщик Мармеладов

Стасс Бабицкий
Шкура неубитого

«Автор»

2020

Бабицкий С.

Шкура неубитого / С. Бабицкий — «Автор», 2020 — (Сыщик Мармеладов)

Сентябрь 1877 года. В самый разгар русско-турецкой войны Мармеладова призывают послужить Отечеству. Необходимо в короткий срок изловить Белого медведя – генерала, который продает военные секреты Османской империи. Но сыщика совершенно не интересует охота на предателя. Его увлекает загадка иного рода: молодой офицер подарил певице из кафешантана пять тысяч рублей, а спустя сутки исчез при таинственных обстоятельствах. Нет ли и здесь происков вражеских лазутчиков? Кроме того, главному герою придется с головой окунуться в дела семейные и навсегда рассеять тени прошлого, которые преследуют его по пятам.

© Бабицкий С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

I	5
II	10
III	14
IV	17
V	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стасс Бабицкий Шкура неубитого

I

Сыщик покачал головой.

– Нет, нет, нет. Я не поеду в Петербург, и не уговаривайте.

– Вот как? Вы прямо с порога распознали мои намерения? – насторожился Николай Игнатьев, дипломат из министерства иностранных дел.

– Нетрудно догадаться. Нас связывала всего одна история, да и та случилась больше года назад. За это время вы успели съездить в Константинополь, вернулись оттуда, избежав ареста по обвинению в шпионаже. Промчались галопом по Европам, посетив самых влиятельных монархов. Потом началась война с турками, вас назначили в Государственный совет, руководить комитетом по изобличению вражеских лазутчиков. И вдруг вы неожиданно появляетесь на пороге, говорите: «Здравствуйте, Родион Романович. Давненько не виделись!» При этом фальшиво улыбаетесь...

– Скажете тоже... Фальшиво, – насупился посетитель. – Я ведь могу и обидеться.

– Это вряд ли, Николай Павлович. Сотрудники вашего ведомства лишены эмоций, и обижаться не умеют. К тому же я не в упрек говорю. Вы просто не замечаете, как напряжено ваше лицо. Улыбка на нем смотрится так же нелепо, как шутовской колпак на похоронах.

– Не замечаете, – передразнил Игнатьев, поправляя пенсне. – А вы, выходит, все замечаете, г-н Мармеладов?!

– Может быть и не все, – пожал плечами сыщик, – но достаточно для того, чтобы сделать вывод. Я снова понадобился вам, чтобы изловить шпиона, а поскольку в Москве турецким засланцам делать нечего, вы пришли позвать меня в Петербург. Стало быть, давний сообщник Мехмет-бея¹ нанес новый удар. Как его называл торговец пряностями? Бейаз айы²?

– Именно так. Белый медведь вредит на всех фронтах, а вычислить предателя мы так и не сумели, Позвольте, я присяду, – дипломат кивнул на оттоманку в углу, – и расскажу все по порядку.

– Чувствуйте себя, как дома, – Мармеладов привычным жестом подвинул к себе чистый лист и обмакнул перо в чернильницу, чтобы делать пометки.

– Не нужно записывать, – вежливо, но твердо предупредил Игнатьев. – Сведения, которые я сообщу, хранятся в строжайшем секрете.

– Как прикажете, – сыщик откинулся в кресле, демонстративно скрестив руки на груди.

– Ну вот, теперь вы обиделись! Родион Романович, не поймите превратно. Вам я могу довериться, бумаге – никогда. Если враги Отечества завладеют хотя бы обрывками записей нашей беседы, случится страшное. Мы... – дипломат перекрестился, глядя в окно на купола церкви. – Не приведи Господь! Мы проиграем войну.

– Все газеты пишут о сражениях на Балканах и подвигах русской армии, – возразил Мармеладов, – причем так много и часто, что я совсем перестал их читать.

– Перестали? Вас что же, не волнует, выиграем мы войну или проиграем?

– Честно говоря, ни капельки не волнует, – признался сыщик. – Война – это жестокая схватка двух бездушных убийц. Какая разница, кто победит? Будь я судьей, отправил бы пред-

¹ О поимке этого шпиона читайте в романе «Волоцкий укроп».

² Белый медведь (турецк.)

водителей обеих армий на эшафот, причем триумфатора вперед проигравшего, ведь триумфатор погубил куда больше людей – и своих, и чужих.

– Не подозревал в вас подобного чистоплюйства. И наивной веры, что в газетах печатают одну только правду, тоже не ожидал. Газеты сообщают то, что им позволено. Каждая буква на каждой странице дотошно изучается цензорами. Народу нельзя знать, насколько скверно идут дела, – Игнатъев помолчал с минуту, перекатывая неприятное слово на языке. – Скверно... Скверно... Да, лучше и не скажешь. Изначально наш Генштаб строил весь план войны на внезапном вторжении. Тайно проводим армию по территории Румынии, молниеносно форсируем Дунай, переходим через Балканские горы, а там уже и до Константинополя рукой подать. Пока турки сообразят, что к чему и стянут войска на защиту столицы, мы схватим султана за горло, и этот трусливый щенок подпишет капитуляцию. А для того, чтобы запутать противника, первым должен был выступить Кавказский корпус – пошуметь, обстрелять пару крепостей и убедить военачальников Османской империи, что русские идут на Карс и Эрзурум. Идеальную кампанию замыслили, но вмешался Белый медведь и спутал все карты! Он сообщил Надир-паше³, что основные силы русских двинутся в Болгарию, а на Кавказе мы готовим дымовую завесу. И что вы думаете? Османские агенты подняли мятеж в Абхазии. Пришлось спешно менять планы. Наши войска выдвинулись к Сухуму, отбили его малой кровью. А ночью подошли пять турецких броненосцев, обстреляли город из пушек, и кровь пролилась великая. Прозевали мы налет османской эскадры.

Дипломат вздохнул и закашлялся. Сыщик протянул стакан воды.

– Это лишнее... Кх-м! А, впрочем, благодарю.

Игнатъевпил медленно, поглядывая на собеседника из-под прикрытых век.

– Мы понадеялись, что на том злоклучения кончатся... Пустые надежды, Родион Романович. Беды только начинались. Когда армия подошла к Дунаю, там ждала речная флотилия турок. Это был жестокий удар, ведь про неприметный брод у Зимницы османцы прежде не знали. Наша разведка доложила, что этим путем часто пользуются болгарские контрабандисты, именно потому, что он совершенно безопасен, – дипломат барабанил пальцами по доньшку пустого стакана. – А тут вражеские мониторы⁴ с пушками. Но отступить и искать другие пути – невозможно, это означало бы провал всей кампании. Решили прорываться на вражеский берег с боем. Дождались безлунной ночи, переодели солдат в зимние мундиры – они черные, в темноте не так приметны. Турки эту хитрость быстро раскрыли. Дали несколько залпов картечью. Тысяча убитых за полчаса, представьте себе... Но это еще не самое страшное.

– Что может быть страшнее гибели тысячи людей за раз? – бесцветным голосом спросил Мармеладов.

– Да я не о людях говорю, Родион Романович, ну как вы не поймете?! Судьба государства нашего на волоске. Ведь карту намеченной переправы через Дунай видели избранные офицеры Генерального штаба. Столпы Отечества. Герои былых сражений. До сих пор не верится, что турки завербовали кого-то из них... Ради чего генерал может предать империю? Даже если плюнуть на честь мундира и дворянскую кровь, – к сожалению, для многих это пустые слова... Но на армию сейчас льются миллионы казенных денег. Армейские начальники закормлены до состояния ослобевших свиней и почивают в лужах из чистого золота. Куда им еще?!

– Иуды, обычно, серебром берут, – пробормотал сыщик.

– А? Что? Какое серебро? – прищурился Игнатъев. – Не понимаю, о чем вы...

– Для предателя обычно не так важна ценность чеканной монеты, – пояснил Мармеладов. – Не думаю, что Иуда заявлял первосвященникам: “За тридцать сребреников продам Христа, а за двадцать девять – не стану, маловато платите”... Он хотел совершить деяние, а такие

---

³ Маршал Османской империи, командующий турецкими войсками на Дунае.

⁴ Броненосный корабль с низкими бортами и большим количеством пушек.

люди обычно не торгуются за каждый грош. Ваш предатель также вряд ли печется лишь о том, как набить карманы.

– Чего же он хочет?

– Это вам виднее. У вас ведь во дворце султана тоже полно доносчиков...

– Полегче, сударь! – Игнатьев вынул из кармана платок, чтобы протереть стеклышки пенсне. – Мне больше нравится называть их “корреспондентами”.

– Как угодно. Но вы не станете отрицать, что среди константинопольских корреспондентов не все продают секреты за золото. Кто-то обижен на султана или его приближенных и жаждет отомстить, других вы держите на крючке за какие-нибудь мерзкие делишки...

– Всякие есть, – согласился дипломат, – и обстоятельства разные.

– Наверняка есть и те, кто искренне верит, что Абдул-Гамид⁵ тиран и если он проиграет войну, то это пойдет на пользу Османской империи. Эти люди мнят себя не предателями, а спасителями родной страны. Вот и наш генерал может пребывать в подобных заблуждениях.

– Ловко вы это вывернули, Родион Романович. Не зря я приехал именно к вам! – Игнатьев нацепил пенсне и встал с дивана. – Едемте в Петербург, сегодня же.

– Не поеду, – отрезал Мармеладов.

– Полноте, что за неслыханное упрямство! Разве вы откажетесь послужить государю и Отечеству? Во всей империи нет более важной задачи, чем охота на этого проклятушего Белого медведя. Что за дело удерживает вас в Москве?

– Вы не так поняли, Николай Павлович. Никаких дел у меня нет, но я поклялся, что больше никогда не появлюсь в столице, и не намерен отказываться от этого решения.

– Ах, вот как... За что же вы так ненавидите Петербург? – заинтересовался дипломат. – Или боитесь нехстати встретить там кого-то?

– Долгая история, – отмахнулся сыщик.

– История у него! – вспыхнул Игнатьев, грохнув кулаком по столу. – История пишется на Балканах. Русской кровью пишется! – он отошел к приоткрытому окну, выглянул на улицу, плотно задвинул раму, шелкнул шпингалетом и заговорил уже гораздо спокойнее. – Понимая, что план нашего наступления известен туркам, мы разделили армию и пошли двумя разными путями – один отряд отправился штурмовать горный перевал, как и предполагалось изначально, а другой двинулся на Плевну. Сей неожиданный маневр должен был застать неприятеля врасплох. Мы бы захватили крепость, спустились в долину и окружили вражеское войско с двух сторон. Зажали бы их как орех в дверной щели, чтобы осталось лишь нажать посильнее и раздавить, – он хрустнул пальцами, вскочил с дивана и нервно прошелся по крохотной комнате. – Но предатель успел предупредить нечестивцев. Осман-паша⁶ с большей частью своего войска двинулся к Плевне, укрепился там, и встретил нас во всеоружии.

– Зато турки оставили перевал, который охраняли с самого начала. Кажется, он называется Шипка? – Мармеладов достал из стопки бумаг на столе пожелтевший выпуск “Современных известий”. – Да, верно. Наши войска взяли Шипку без особого сопротивления.

Игнатьев медленно вытянул газету из его рук, скомкал и отшвырнул в угол.

– К черту газеты! Я скажу вам то, чего не сообщали никому из гражданских лиц, да и в армии не каждому дано это знать. Мы действительно сумели захватить Шипкинский перевал без больших потерь и разбили турков наголову. Но три дня спустя туда подошел резервный отряд Сулейман-паши⁷. Двадцать тысяч сабель! Отборное войско. Свирепые башибозуки, не ведающие страха и не чувствующие боли. Они бросались голой грудью на русские штыки, только чтобы прорвать защитный строй и дать возможность своим товарищам ворваться на

---

⁵ Султан Османской империи, вступил на престол летом 1876-го, за год до войны с Россией.

⁶ Маршал Османской империи, командовавший обороной Плевны.

⁷ Турецкий генерал, командовал Балканской армией в 1877 году.

наши позиции. Этих головорезов перебросили из Албании, потому что Белый медведь успел отправить депешу султану. Мы отбились чудом, да еще болгарское ополчение пособило. Но к тому времени османцы подтянули сотню пушек и заперли нас на перевале. И вот мы тратим время и силы на осаду Плевны и оборону Шипки. Не двигаемся с места. Оно и понятно: снимем осаду и перебросим войска к перевалу – турки в спину ударят и уже русская армия окажется в положении расколотого ореха. Оставим горные вершины и усилим натиск на крепость – потеряем проход через горы... Застыли враскорячку. Уже сентябрь наступил, а мы до сих пор не сдвинулись с места. А самое неприятное, мы ни на йоту не приблизились к разгадке – кто же скрывается под шкурой Белого медведя.

– А что говорит Мехмет-бей? – спросил сыщик. – Турецкий шпион в ваших руках, сидит в секретном каземате. Прижмите его хорошенько, может, выдаст имя подельника.

– Не получится, – посетовал Игнатъев. – Упустили мы старого плута.

– Сбежал?

– От нас разве сбежишь? Хотя, пытался. Много раз пытался применить этот свой чудогипноз, но после вашего предупреждения его на допросы водили с повязкой на глазах и связанными за спиной руками. И вот однажды зимней ночью он перегрыз себе вены и умер от кровопотери. Про Белого медведя так ни слова и не сказал. Зато мои... Км-м! Мои корреспонденты сообщили из стана вражеской армии, что там всерьез обеспокоены – русский генерал, продающий столь важные сведения, ранен. В связи с этим, он временно отправлен из театра военных действий на лечение в Петербург. Представляете? Коварный ублюдок здесь. Пьет вино, играет в карты и ходит по театрам, как ни в чем не бывало! А я гоняюсь за ним на всех фронтах, – дипломат тяжело оперся о столешницу обеими руками и устало договорил. – Я спешно прибыл в столицу и обнаружил в офицерском собрании дюжину генералов, которые поправляют здоровье и вскоре уедут обратно, к войскам. Один из них предатель, но как его вычислить?

– Арестуйте всех, чтобы уж точно не промахнуться, – посоветовал Мармеладов.

– Что вы, что вы! Скандал будет. Армия взбунтуется... Нет, если до конца недели не удастся вычислить предателя, то иного выхода не останется. Но эту головоломку еще можно решить без лишнего шума...

– Оставьте ваши дипломатические хитрости, Николай Павлович, – усмехнулся сыщик. – Вам не удастся меня завербовать.

– Не понимаю, о чем вы.

– Сперва вы пытались надавить на мои патриотические чувства, когда не сумели нащупать ничего подобного – подсунили головоломку.

– Сами же прежде обмолвились, что жить не можете без всевозможных загадок, – пробурчал в усы Игнатъев.

– Да, а вы запомнили! – одобрительно кивнул сыщик. – Уверен, по долгу службы вы постоянно развиваете свою память, и если потребуется, сумеете восстановить наши прошлые беседы с феноменальной точностью.

– И вы тоже, Родион Романович.

– И я тоже, Николай Павлович. Потому прошу вас запомнить и то, что твержу вам уже битый час: оставьте меня в покое. Я не намерен ехать в Петербург. Разве что вы арестуете меня и увезете в цепях.

– Зачем же сразу – в цепях? Есть еще один способ, вполне приятный для договаривающихся сторон, – подмигнул дипломат. – Я готов компенсировать ваши неудобства, связанные с поездкой в Петербург. Знаете, во время войны у нашего ведомства полномочия практически безграничны. Поэтому могу предложить тысячу рублей. А если мало – то две, пять, десять, сто – сколько попросите.

– На эти деньги вы сможете нанять сотни агентов, более искушенных в выслеживании шпионов.

– Толку-то с тех агентов... Они год ловили Белого медведя, но ничего не вышло. В нашем ведомстве все думают одинаково, а мне нужен тот, кто способен мыслить оригинально. Не по общей выкройке!

Сыщик поднялся со своего кресла и холодно произнес:

– Нет, увольте. Я лучше поеду с вами на передовую, в Балканские горы или к осажденной крепости, но в Петербург – ни ногой.

– Надеюсь, не слишком утомил вас пустяками, Родион Романович! – в тон ему ответил дипломат и вышел, но через секунду его лысина вновь блеснула в дверном проеме. – Буду ждать вашего окончательного ответа в столице, в гостинице «Знаменская». Не приедете сами, так уж не затруднитесь телеграмму отправить.

Мармеладов не ответил. Он поднял скомканную газету, развернул на подоконнике и стал перечитывать заметку про взятие Шипки.

II

Два часа спустя Мармеладов поднимался по скрипучей лестнице на этаж “Московских ведомостей”. В дверях он столкнулся с помощником редактора, г-ном Ганиным.

– А, многоуважаемый критик! – радушно приветствовал тот. – Ждем ваш памфлет, с нетерпением ждем, да-с. Давайте скорее! Хотя... Лучше оставьте у меня на столе. Видите ли, я собрался в трактир, а ваши критики перед обедом читать не рекомендуется. Язва разыграется!

С громким хохотом старик затопал по лестнице, но, не пройдя и трех шагов, обернулся:

– Дырявая голова! Вас же там дожидается... Э-э... Какая-то девица, не запомнил имя. Столичная штучка. Переводчица английских романов, из тех, что в Европе называют беллетристкой. А по мне это сплошная белибердистика. Подобному хламу самое место в “Библиотеке для дач, пароходов и железных дорог”. Такие книжки барышни читают в парках от скуки, чтобы хоть как-то летний день скоротать, да и забывают на скамейках. Дворники находят, рвут страницы и прячут в кисет с махоркой, чтобы впоследствии накрутить “козых ног”.

Он спустился еще на пару ступенек.

– Впрочем, оцените сами, вы ведь по этой части дока. Если перевод действительно хорош, то могу посоветовать издателя. Заплатит по грошу за строчку.

Мармеладов прошел через общую комнату, где за узкими столами газетчики сочиняли свои репортажи и фельетоны. Мельком заглянул в кабинет цензоров, равнодушно перечеркивающих крамольные слова и выражения, которые они неизменно – иначе кто кормить-то станет?! – находили в каждой заметке. Втиснулся в закуток г-на Ганина, бросил рукопись на конторку и скользнул взглядом по девушке, сидящей в углу. Простое платье таусинного⁸ цвета, шляпка с широкими полями, но без модных цветов и пышных лент.

– Это вы? – робко спросила девушка, вставая со стула.

Темные глаза беспокойно вглядывались в лицо сыщика, словно пытаясь прочесть по морщинам на лбу его мысли.

– Давайте ваш перевод, – Мармеладов довольно резко выдернул тетрадь в коленкором переплете из ее болезненно-тонких рук, с чрезмерно бледной кожей, просвечивающей синевой разбегающихся вен. – Что за роман вы выбрали?

– “Дженни Эйр, записки гувернантки”, – пролепетала она, опустив глаза.

– Да? И зачем время тратили? – сыщик пролистал страницы, заполненные аккуратным почерком. – Честно говоря, из всех романов сестриц Бронте этот – наименее стоящий. Если хотите успеха у публики, переводите «Незнакомку». Вот где интриги, тайны и пороки. А историю сиротки, которая чудесным образом находит своего принца, в России читать не станут. В жизни так не бывает.

– Бывает, – горячо воскликнула переводчица. – То есть... Хотела сказать, – смутилась она, – что мне известна одна такая история.

– Вот и поведайте ее миру. Насколько можно судить по этим записям, у вас живой язык, встречаются оригинальные обороты. С таким талантом грех переводить чужие книги. Напишите свою.

Он протянул тетрадь, девушка вцепилась в нее, словно боясь упасть.

– Вы... Вы, что же, совсем не узнаете меня?

Сыщик наконец-то посмотрел на нее внимательно.

– А ведь я сдержала обещание, – девушка глотала внезапно набежавшие слезы. – С того самого дня – помните? – каждое утро молюсь за раба Божьего Родиона. И за мою несчастную Сонечку...

⁸ Темно-синий цвет с лиловым отливом.

– Полина? – Мармеладов отступил на шаг и изумленно замолчал.

Он всматривался в ее лицо, пытаясь угадать в нем черты покойной жены, но не находил ничего общего. Полная противоположность! Глаза – черней сажи, мрачные и тревожные, каштановые кудри жесткие, топорщатся из-под шляпки беспорядочно, а подбородок разделен на две половины ямочкой и оттого кажется слишком широким. Да и откуда сестрам быть похожими, сводные ведь. Единственное, что роднило Соню и Полину – эти складки в уголках губ... Такие возникают у детей, которые с малых лет хлебнули горечи нищеты, страдали от голода, мерзли в дырявых обносках с чужого плеча, но из последних сил сдерживали рыдания, чтобы не расстраивать беспутного отца или вконец измученную мать. Эти трещинки – особая метка боли и стыда, – остаются на всю жизнь и с возрастом становятся лишь глубже.

Вот и сейчас девушка поджала губы, ощущая дикую неловкость. В ее угловатых движениях сквозило желание немедленно убежать и никогда не возвращаться. Сыщик почувствовал это и нарочито громко заговорил:

– К-какими судьбами в Москве? Вот уж неожиданность! Но отчего же ты выдумала столь странный повод? Перевод романа...

– Я ничего не выдумывала. Это мое новое увлечение – издаю книги для женщин. Знаете, в Петербурге они становятся все более популярными и растут в цене, – она снова смутилась и заговорила чуть быстрее, догоняя разлетающиеся мысли. – Когда зашла сюда и старик за конторкой строго спросил: “Зачем это вы разыскиваете г-на Мармеладова?” я не рискнула назвать истинную причину и стала размахивать тетрадь, которую всегда ношу с собой, чтобы не потерять.

– Вздор, Полечка! Забудь про свою Дженни Эйр. Как ты живешь? Как братец? Сестричка? погоди, да что же мы вот так, на ногах? Присядем. А лучше пойдем в чайную, и поговорим обо всем.

Он потянул девушку к выходу, но та неожиданно отпрянула.

– Только не в чайную!

– Здорова ли ты? – забеспокоился сыщик. – Дрожишь, глаза блестят. Уж не лихорадка ли это?

– Не время рассиживаться, Родион Романович. Нам нужно ехать.

– Куда?

– В Петербург. Первым же поездом.

Мармеладов взъерошил волосы.

– Да, выдался денек... Все стараются затащить меня в столицу. Сговорились вы что ли?

– Сговорились? – недоумевала она. – С кем?

– Это не важно, Полина. Но... Я не поеду с тобой.

– Как, не поедете? Почему?

– Мне нельзя возвращаться в Петербург, понимаешь? Нельзя. Я стараюсь держаться подальше этого города и всего, что с ним связано. Если я вернусь туда, – он запнулся и поспешно оборвал фразу, – может случиться что-нибудь ужасное.

– Но если вы не поедете, то случится нечто еще более ужасное! – вскрикнула она, тяжело опустилась на стул и сказала потухшим голосом:

– Мой жених умрет.

– Жених? – переспросил сыщик.

– Вас удивляет, что кто-то согласился взять меня в жены?

– Полина, я совсем не то имел в виду. Просто годы пролетели незаметно. Так странно думать, что ты уже невеста...

– Будто вы много думали обо мне все эти годы! – вздохнула девушка. – Нет, вы не верите, что судьба сиротки может сложиться наилучшим образом. Но я теперь тоже в этом сомневаюсь, хотя неделю назад готовилась к свадьбе и была самой счастливой девушкой на белом свете, –

она вздохнула еще горше. – Вы, наверное, не помните, а может, и не знаете, но когда умерла маменька, нас пристроили в сиротский приют. Один добрый человек, Аркадий Иванович. Он в Америку уехал... Жили хорошо, никто нас не обижал. Кормили вкусно, учили понемногу. А как сравнялось мне восемнадцать лет, выяснилось, что у нас еще и капитал имеется – по полторы тысячи рублей на каждого. Все тот же благодетель положил, не поскупился. На эти деньги я наняла квартиру, забрала брата и сестру к себе. Открыла артель – книжки издаю. Но я об этом уже говорила. А зимой на катке в Юсуповском саду я встретила молодого офицера и недавно он посватался...

– Узнал про капитал и сразу посватался? – уточнил Мармеладов.

– Что вы! Он до сих пор об этих деньгах не знает ничего, – чистосердечно, и как-то сама запутавшись, призналась Полина. – К тому же Александр из богатой семьи, для него мои капиталы просто смех. Недавно он певице из кафе-шантана пять тысяч рублей отдал без всякого сожаления.

– Похвальный жених! В ожидании свадьбы развлекается с шансонетками, – присвистнул сыщик. – Да еще и тебе об этом докладывает?!

– Нет, это не то! – вспыхнула девушка, вскакивая со стула. – Как вы могли вообразить такое?!

– Ты же сама сказала: отдал кучу денег девице из кафе-шантана. Разве не очевидно...

– А вот и нет! Александр просто пытался спасти бедняжку. Ах, если бы вы знали! Ее держат в том кафе насильно, на положении рабыни. Семья певицы задолжала десять тысяч нечистоplotному дельцу. Этот негодяй обманул их и подсунул фальшивые банковские билеты, но вексель за подписью отца несчастной девушки успел выкупить антрепренер, и заставляет каждый вечер исполнять куплеты, – она запнулась и покраснела. – Омерзительно фривольные куплеты. Я сама не слышала, но Александр, когда говорил об этом, покраснел... В его положении нельзя выглядеть излишне скромным и чувствительным. Армия не терпит сантиментов. Поэтому он и ходит по кабакам с полковыми кутилами, хохочет над всякими пошлостями, и вынужден даже пить водку! Но поверьте, он знает меру и никогда не напивается до бесчувствия. Простите, это лишние подробности. На чем я остановилась?

– Куплеты, – подсказал Мармеладов.

– Верно, куплеты... Страдалица вынуждена петь эту пошлость каждый вечер на публике, раздетая до белья. Жалования ей не платят, все деньги забирают в счет уплаты отцовского долга. Это ужасно! С таким кристально-чистым сопрано пристало в опере блистать... Мог ли благородный человек оставаться глухим к такому горю?! Александр, услышав ее историю, пообещал свернуть шею бездушному рабовладельцу. Но певица вздохнула – вексель-то никуда не денется.

– Можно прогнать мерзавца, – согласился сыщик, – но завтра появится новый кредитор и заставит отрабатывать оставшийся долг.

– Именно это она и объяснила. Тогда Александр предложил выкупить вексель и порвать его на мелкие кусочки. Певица испугалась, что он потребует взамен чего-то более фривольного, чем куплеты, – щеки Полины вновь запыхали, – но мой жених уверил, что ничего подобного не случится. Показал фотопортрет с невестой... Мы, знаете, недавно ходили в ателье, Александр носит эту карточку у сердца... Втайне от остальных офицеров.

– Чтобы не выглядеть рохлей в их глазах, – хмыкнул Мармеладов. – Это я уже уяснил. Но что за опасность грозит жениху?

Она окончательно смутилась.

– Дослушайте, и все поймете. Александр поведал мне об этой встрече и сказал, что отнесет деньги певице при первой же возможности, поскольку не может поступить иначе. Я горячо поддержала его намерения.

– И что же, ты совсем не ревнуешь своего жениха?

– Могу ли я ревновать? Он святой! Много вы знаете людей, которые бескорыстно отдадут пять тысяч рублей, чтобы выручить из беды случайно встреченную девушку? На это способны люди с сердцем из чистого золота. А для меня его поступок дороже всего на свете! Вы ведь понимаете почему? Вы понимаете! Кто же сумеет понять, как не вы?!

Тоненькие, как спички, руки обхватили сыщика, голова склонилась к его плечу, и девушка тихо заплакала, прижимаясь лицом к нему все крепче и крепче. Он не сделал движения, чтобы обнять Полину, не стал шептать утешительные банальности, не провел рукой по ее волосам, выбившимся из-под съехавшей на бок шляпки. Просто стоял неподвижно, как скала в бушующем море, и лишь пламенеющие глаза выдавали ту бурю, что разыгралась у него в душе.

Спустя пять минут девушка успокоилась, вытерла слезы и заговорила.

– Простите... Я не хотела, но... Не важно... Через два дня Александр исчез. Без всякого предупреждения.

– Он офицер. Может быть, спешно отбыл на фронт?

– Его полк по-прежнему в городе. Я ходила на квартиру к жениху, но выяснила немного. Говорят, он черкнул небольшую записку, вложил в конверт, куда-то с ним ушел и уже не возвращался. Но это письмо он послал не мне! Во всяком случае, я ничего не получила, – она всхлипнула, но на этот раз удержала слезы. – Первое время я не обращалась в полицию, и к эскадронному начальству тоже. Боялась навредить жениху. Ведь идет война и если выяснится, что Александр по непонятным причинам оставил службу, его сочтут дезертиром, а это трибунал и смертный приговор. Выждала еще три дня, потом отчаялась и пошла в участок. Надо мной посмеялись. Сказали, что если у молодого офицера в руках окажутся пять тысяч рублей и певичка, то он вернется, только прокутив с ней все до копейки. Пристав посоветовал: “Сама поищи у шансонетки под юбками”. Это было так мерзко, что я...

– Надо было сходить к певичке и задать прямой вопрос, – перебил сыщик, предчувствуя новые рыдания.

– Но я не знаю, как ее зовут! – с надрывом крикнула Полина и тут же зажала рот ладонью, испугавшись, что их кто-нибудь услышит. – Александр упомянул, что девица примерно моих лет, она брюнетка и чуть-чуть картавит.

– Не густо. А кафе-шантанов в столице полсотни наберется.

– Больше, гораздо больше. Но я бы обежала их все, по очереди, однако в такие места приличным девушкам входа нет. Меня попросту не пустили в два или три заведения... Потому я и поспешила к вам, Родион Романович, – она и вправду бросилась к нему, вцепилась в лацканы пиджака и умоляюще заглянула в глаза. – До столицы дошла молва, что вы довольно успешно занимаетесь сыском. Заклинаю, помогите! Больше надеяться не на кого.

Девушка попыталась встать перед ним на колени, но Мармеладов успел подхватить ее.

– Ну, зачем ты, Полечка! Разумеется, я помогу. Приложу все усилия, хотя для поисков одного имени маловато... Александров в России много, один даже на троне сидит.

– Ах да, я не назвала вам фамилии жениха, – ступсывалась Полина. – Поручик гвардейской кавалерии Измествев.

– Красивая фамилия будет у тебя после свадьбы, – улыбнулся Мармеладов и поцеловал девушку в лоб. – Запомни, в дни великих тревог важно не терять головы. И, вообще, ничего не терять, – сыщик поднял оброненную тетрадь в коленкором переплете и посмотрел на часы с кукушкой, висевшие на стене. – Мне нужно закончить дела в редакции, отправить пару телеграмм, собрать дорожный саквояж... Стало быть на вокзал я приеду часа через три. Как раз успею сесть на курьерский поезд.

III

Мармеладов вышел на перрон и зябко поежился. Недавно прошел дождь. Солнечные лучи пробивались сквозь прорехи сизых туч, тщетно пытаясь высушить этот вечно промокший город. За десять лет на столицу изверглись три тысячи ливней, но даже им не удалось отмыть с улиц и домов вьвшуюся копоть нищеты.

Петербург засел глубоко в его памяти черной занозой, размером, пожалуй, с Адмиралтейскую иглу. Занозу уже не вынуть, не выбросить из головы, сколько ни пытайся. В Москве еще получалось ненадолго ускользнуть от этой изощренной пытки, но сейчас игла раскалилась и жгла нестерпимо. Каждый шаг давался тяжело, будто ноги снова заковали в кандалы. Вместо птичьего щебета сыщик слышал голоса – злобные, пропитые, вкрадчивые. Они напоминали о давно изжитом чувстве вины, о той непосильной ноше, что прежде давила на плечи, заставляя сутулиться и прятать глаза от прохожих. Он и теперь согнулся, не в силах поднять голову, переполненную тяжелыми мыслями. Все вокруг казалось исковерканным и безнадежно больным, величественные дворцы, приветливые люди и гарцующие лошади, отражались в темном омуте воспоминаний как уродливые кособокие призраки.

Призраки прошлого...

Полина выпорхнула из вагона и крепко сжала его руку, рассеивая наваждение.

– Слава Богу, мы добрались!

Проводник вынес саквояжи, отдал носильщику и замер с протянутой рукой в истрепанной перчатке. Мармеладов достал из кармана серебряный рубль.

– Доброго дня, ваш-ство! – улыбка железнодорожника засияла гораздо ярче унылого петербургского солнца.

– Какая расточительность! – шепнула Полина. – Вы отдали целый рубль?

– У проводника работа тяжелая, – бесцветным голосом заговорил сыщик. – Вагон в чистоте держать. За кипятком на каждой станции бегать и подавать чай капризным барышням. Открывать и закрывать оконца по первому требованию. Уверен, эти порыжевшие перчатки скрывают изрядные мозоли... К тому же у него двое малых детей и жена серьезно больна.

– Вам-то откуда известно? Разве вы знакомы с этим человеком?

– Я всю дорогу присматривался к его мундиру. Видите, на спине черные отпечатки ладошек? Одни повыше хлястика, другие гораздо ниже. Сыновья обнимали отца перед дорогой, вот и запачкали ненароком. А он за всю поездку так и не снял мундир, чтобы почистить – вечные хлопоты и суета.

– Ладно, про детей вы угадали, – согласилась девушка. – Но почему решили, что это непременно сыновья, а не дочки?

– Я не угадываю. Я изучаю фрагменты головоломки, а потом складываю их то так, то эдак, пока картинка не соберется полностью, – пояснил Мармеладов. – Отпечатки на мундире – это угольная пыль. Проводник живет бедно, потому пристроил своих детей помогать кочегарам, грузить уголь на паровозы во время стоянок. Это тяжелая работа, не для девочек. Зато мальчишки всегда на вокзале, вот и провожают отца.

Полина обернулась и чуть не упала, запнувшись о кованный сундук, оставленный посреди перрона.

– Ах ты ж... Понабросали! – возмутилась она, но мигом позабыла о досадной неприятности и задала сыщику новый вопрос. – Про больную жену как узнали?

– У проводника правый карман набит цитрусовой кожурой. Он лимон чистит, режет кольцами, чтобы пассажирам к чаю подать. А кожуру в карман собирает, чтоб дома отвар сделать. Добавит туда мед, вот и готово средство от кашля. Сам он по виду здоров, дети трудятся – тоже не хворые. Остается кто? Жена. Хотя, если кашель мучает ее в начале сентября, то это вряд

ли простуда. Скорее чахотка, стало быть, уже ни отвар, ни доктор не спасут. Но на этот рубль проводник купит жене теплый платок из козьего пуха, да детишкам по прянику.

– Или пропьет от жизни такой, беспросветной, – вздохнула Полина.

– Не думаю. Он на все семь вагонов единственный из проводников, от которого поутру не пахнет водкой. Чего ты взъелась на меня за этот рубль? Я же не пять тысяч ему отдал, в самом деле.

Она залилась краской и отстала на два шага. Некоторое время шла по перрону не показывая виду, что знакома с Мармеладовым, но у самого входа в вокзал догнала сыщика и взяла за руку.

– Простите мою вспыльчивость. Рассердила категоричность ваших суждений, не люблю тех, кто строит из себя всезнайку, – Полина скорчила смешную гримасу. – Зато я убедилась, что вы настоящая ищейка! С таким чутьем нетрудно будет разыскать Александра.

– Для начала нужно напасть на след певички.

– Но как? Вы же не планируете обходить все эти вульгарные кафе...

– На это уйдет не меньше недели, а времени и так уже потеряно достаточно, – перебил сыщик. – К тому же в грязных кабаках, среди смрада, дешевого парфюма и табачного дыма, ищейке трудно взять след. Там ищейка бесполезна. Нужно нечто иное... Известно ли тебе, Полечка, как французы собирают трюфели? Они берут поросенка перигорской породы, который охоч до этого лакомства, и запускают в лес после дождя, когда грязи побольше. Сами просто крадутся следом, ждут, пока свиненок выкопает гриб из сырой земли, бьют по запачканному пятаку, отбирают деликатес и продают гурманам втридорога. Мы будем действовать также. Для того чтобы найти конкретную певицу в Петербурге, нам пригодится помощь специалиста по поиску шансонеток и иных талантов подобного рода.

– Лучшего специалиста?

– Напротив, худшего. Самого, что ни на есть, отвратительного. Обожающего копать в грязи и обманывать своих нанимателей. Нам нужен не поросенок, а настоящий кабан!

– И вы нашли такого?

– Сразу двух. Я отправил им телеграммы и назначил встречу на Николаевском вокзале.

Полина огляделась по сторонам.

– Но как они узнают к кому подойти?

– Я сообщил, что буду стоять под императорским вензелем ровно в полдень, – сыщик кивнул на позолоченный барельеф. – Давай отойдем к стене, не то нас затолкают. Хочу предупредить, что телеграммы я подписал именем своего приятеля Ивана Кузьмина, известного в Париже антрепренера. Иначе этих жуликов не заманишь, а нам очень нужен трюфель.

– Понимаю вас и не осуждаю за этот обман. Готова подыграть по мере сил. Что я должна говорить?

– Ничего, Полечка. Ты должна молчать, что бы ни случилось.

Они стояли, разглядывая проходящих мимо пассажиров. В вагонах все разделялись по классам, но здесь, на вокзале, перемешались в одну суетливую толпу, напоминающую ежа – отовсюду топорщились удочки любителей рыбалки, зонтики от солнца и зонтики на случай дождя, белоснежные трости царскосельских ловеласов, длинные рукоятки крокетных молотков и не менее длинные черенки садовых лопат. Толпа сопела, шипела, возмущенно взвизгивала и ругалась на все лады. В один момент из нее кубарем выкатился прилично одетый мальчик, прижимающий к груди бело-зеленого воздушного змея с оторванным хвостом, но его тут же втянули обратно.

Часы пробили полдень.

– Первый прибыл, – Мармеладов тронул Полину за плечо и указал направо.

Через толкучку к ним пробирался высокий смуглый господин, одетый во все черное.

– Его зовут Долговязый Пьетро, – пояснил сыщик. – Выдает себя за итальянского импресарио, хотя приехал из Ростова, того, что на Дону. Насквозь фальшивый тип, прямо как брильянт в его булавке для галстука.

– Откуда вам известно, что брильянт – подделка? – удивилась Полина. – Разве можно с такого расстояния распознать?

– Разумеется, нет. Но возле Пьетро крутились карманники – я насчитал как минимум трех, а на камушек не позарились. Стало быть, он не настоящий.

– Зачем же нам связываться с таким обманщиком?

– Он главный поставщик заграничных певиц в частные оперы и иные увеселительные балаганы. Правда, все итальянские примадонны на поверку оказываются румынками или осетинками, но надо признать, что под его крылом обитают девицы не без таланта. А вот и второй кабанчик!

Мармеладов повернулся налево и приветливо махнул рукой толстяку с идеально круглым лицом, в центре которого располагался огромный нос, покрытый ярко-красными прожилками. Мелкие глазки заплыли жиром до такой степени, что цвет их невозможно было определить – из щелочек проглядывали только черные точки зрачков.

– Погляди, как вырядился. Синий сюртук, белый цилиндр и голубой галстук. С каких это пор в столице вошла в моду столь вызывающая нелепица? – сыщик обратился к Полине, но та не ответила, замороженно глядя как толстячок пытается протиснуться боком между двух носильщиков с баулами на плечах. – К нам спешит сам Тарас Холодзякко. Этот хлыщ привозит девиц для кафе-шантанов из Поволжья, причем не брезгует связываться с притонами и портовыми кабаками.

– Разве вы с ними знакомы?

– Нет. Но театральный критик “Московских ведомостей” прежде работал в столице и подробно описал мне этих двух субчиков. Исключительно для того, чтобы я держался от них подальше. Однако я считаю, что лишь подобные хитрованы способны отыскать певицу, которая нам интересна.

IV

Толстяк подкатился к ним на пару секунд раньше долговязого.

– Какая радость! Счастье и ликование! – причитал он, хлопая себя ладонями по широченым ляжкам. – Г-н Кузьмин, собственной, так сказать, персоной. Давно, давно мечтал познакомиться. Пожать вашу руку!

Он потряс ладонь сыщика своими пухлыми пальцами и попытался обнять Полину, но та отшвырнула его возмущенным воплем. Ничуть не смутившись, Холодзяжко продолжал рассыпаться в любезностях:

– Ох, батенька, что же вы устроили в Париже. Варьете а-ля рюс. Грандиозно! Божественно! Самому посетить не довелось, но наслышан, наслышан.

Недовольный Пьетро перебил его дребезжащим баритоном.

– Это как же понимать, Иван Яковлевич? Вы отправили телеграмму мне, а потом позвали конкурента?

– Ха! Конкурент? Будто бы нам есть, что делить, – тоненько завизжал толстяк. – Петербург – город большой, певичек на всех хватит. А мне вы написали, что ищете деву особенную. Или, может статься, уже отыскали?

Он покосился на Полину и панибратски подтолкнул Мармеладова локтем.

– Нет, сударь, это *mademoiselle*⁹ Авелин, – сочинил на ходу сыщик. – Она почти не понимает по-русски, но весьма расторопно управляет группой в моем варьете.

– Понимаю, пони-и-има-а-аю, – Холодзяжко облизнулся. – Я тоже люблю таких... Молоденьких, так сказать, и расторопных. Чую, мы с вами найдем общий язык.

Пьетро нахмурился еще сильнее.

– Я требую объяснений, г-н Кузьмин! Вы присылаете телеграмму, обещаете мне щедрый гонорар за то, что помогу отыскать певицу для осеннего сезона во Франции. Просите встретить вас на вокзале, и я бегу сюда, бросив все дела, из уважения к вашей...

– Щедрости, – толстяк захохотал, отчего его щеки задрожали, словно холодец на блюде. – Сто рублей-то на дороге не валяются.

– К вашей репутации, – сурово продолжил импресарио. – Но вижу, что вы затеяли какую-то сомнительную игру, допустив в наш тесный круг этого шарлатана.

– Шарлатана? Смеее меня оскорблять? Немедленно извинитесь или я вам губы откушу! Мармеладов примирительно вскинул руки.

– Господа! Гос-по-да! Зачем же ссориться? Я призвал вас обоих потому, что крайне ограничен во времени. Завтра вечером я уезжаю, и, стало быть, завтра утром мне нужно послушать, как поют ваши пташечки.

– Завтра послушать? Но почему не сегодня? – все еще сомневался Пьетро.

– Сегодня я обещал *mademoiselle* Авелин ужин в лучшем ресторане Петербурга и балет в Мариинском театре. Она обожает балет, а я не могу ей ни в чем отказать. Но давайте же обсудим все детали нашего соглашения за обедом.

– Куда поедем? – оживился “итальянец”. – В «Лейнер»¹⁰ или к братьям Пивато¹¹?

– Видали идиота! – цыкнул Холодзяжко. – Сказано же: в лучший ресторан г-н Кузьмин собирается вечером. А пока и кухмистерская¹² сгодится. Я знаю пристойную, на Двенадцатой линии.

---

⁹ Мадемуазель (французск.)

¹⁰ Популярный в те годы ресторан на Невском проспекте.

¹¹ Ресторан на Большой Морской улице.

¹² Столовая для самой разношерстной публики, где подавали комплексные обеды, вроде современного бизнес-ланча.

Он сноровисто подхватил саквояж сыщика и поволок к выходу, приговаривая:

– Вообразите, блюда высочайшего сорта по доступным ценам. Вообразили? Скоро сами убедитесь, что там именно такие и есть. Волшебство! Пир Валтасара! И не придется, так сказать, лишних денег тратить, – толстяк споткнулся о чей-то узелок, отшвырнул его ногой и обматерил незадачливого пассажира, кинувшегося за своими пожитками, после чего продолжил елейным тоном. – Если есть лишние деньги, лучше мне отдайте. Да вы все отдадите, батенька, когда певицу мою услышите. Соловей! Что там – райская птица и та не возьмет столь высоких нот...

Идущий позади всех Пьетро скрежетал зубами от злости.

Холодзяжко не умолкал всю дорогу, разглагольствуя о разных пустяках. Утомив всех собеседников, он перебрался на козлы извозчика и стал собачиться с ним.

– Здесь сверни! Ты что, дороги не знаешь? Через канаву-то быстрее.

Он выскочил из коляски, проявляя неожиданную прыть, и первым спустился по ступенькам в подвал.

– Извольте видеть, г-н Кузьмин, как и обещал вам – столовая фон Дервиза! За этой неказистой дверью ждет роскошный обед на любой вкус, лишь бы только этот вкус в организме присутствовал. А то ведь у некоторых, так сказать, нет ни вкуса, ни совести, – толстяк покоился на Пьетро.

– Мамма миа! Вы все не уйметесь? – взвился тот. – Я вам ребра пересчитаю! Если, конечно, доберусь до них через раздутый мамон.

Сыщик плавно вскинул руки, словно дирижер в опере.

– Господа, предлагаю перемирие. Давайте отложим острые стрелы на время обеда и делового разговора. Сегодня вы не конкуренты, а союзники. Ваши таланты будут прославлять Россию на парижской сцене. А чтобы никто не беспокоился по поводу вознаграждения, и того, кому именно оно достанется, – Мармеладов понизил голос до доверительного шепота, – я заплачу вам обоим.

– Великие слова! – восхитился Холодзяжко. – По таким словам постигаешь, что перед тобой поистине великий человек. Человечище!

– Но заплачу после прослушивания, – добавил сыщик.

– Само собой, – вздохнул Пьетро и шагнул вслед за ним в дверной проем, пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку.

Кухмистерская разделялась на большую комнату с общим столом, где как раз сейчас обедали студенты и писари из окрестных контор, и четыре отдельных кабинета. Холодзяжко повел всех в дальний уголок.

– Ближе к кухне, – пояснил он, – а значит, суп не остынет, пока будут нести, и остальное, так сказать, тоже.

Мармеладов любил подобные трактиры с простой кухней и шумной компанией, в другой день он сел бы за длинным столом – побеседовать с незнакомцами, послушать байки и сплетни. Но приходилось изображать владельца варьете, приехавшего из Парижа, поэтому он придирчиво изучил меню, отказался от обеда из общего котла и заказал цыпленка, запеченного целиком, а для Полины – фрикасе из кролика. Девушка играла роль безукоризненно и с большим воодушевлением, она игнорировала сальные остроты толстяка и пристальный взгляд Пьетро, изредка перебрасываясь короткими фразами на французском языке со своим спутником.

– Вот вы, Иван Яковлевич, говорите: заплачу обоим, – подхватил разговор с нужного места Холодзяжко, когда заказы были сделаны и половой убрался восвояси. – Но ведь певица-то вам требуется одна, так сказать, в единственном экземпляре. За что же тогда второму платить?

– Опять началось?! – взревел Пьетро.

– Успокойтесь, мой дражайший друг! Я же спрашиваю, держа в уме наш совместный интерес. Ведь если второму платить, по сути, не за что, зачем обещать деньги? Г-н Кузьмин не из тех, кто сорит ассигнациями попусту. Вот я и подумал, – щелчки глаз подозрительно сощурились, сомкнувшись в тончайшую линию, – а нет ли здесь какого обмана?

Импресарио задумчиво теребил булавку с фальшивым брильянтом.

– Вы намекаете, что...

– Я не намекаю, а говорю прямо, никуда не сворачивая с пути истинного. Допустим, в парижском варьете появится певица, приехавшая из Петербурга. При хорошем репертуаре это может вызвать ажиотаж. Публика обожает все свежее и горячее, – толстяк прервался, чтобы попробовать грибной суп. – Да-с, горячее и свежее. Но подумайте, мой несчастный простачок Пьетро... Зачем для этого везти певицу из Петербурга? Ведь можно любую девку из кордебалета обрядить в сарафан, нахлобучить на темечко кокошник – вот вам и певица из Петербурга. Кто проверит? Публика – не жандарм, она документ спрашивать не станет. Верно я говорю, Иван Яковлевич?

Сыщик округлил глаза, изображая бескрайнее удивление.

Холодзяжко довольно хихикнул:

– Угадал, вижу, что угадал! Потому что все мы так делаем, и это вовсе не обман. В этом и заключается соль нашего искусства, так сказать, высочайшее мастерство перевоплощения. Заставить парижского буржуа поверить в сказку, которую ему показывают на сцене. Также и для нашей публики мы придумываем своим мармозеткам французские имена: очаровательная Козетта, проездом из Парижа в Берлин. Никто не задается вопросом, а за каким чертом эта краля делает крюк в две тысячи верст, чтобы спеть перед захмелевшими гусарами или матросами? На том и держатся все кафе-шантаны, что тамошняя публика пьет без удержу, что в Петербурге, что в Париже, да хоть бы и на острове Мадагаскар!

– Но если певица не нужна, – Пьетро заблудился в лабиринте рассуждений коллеги и никак не мог найти выход, – зачем же тогда г-н Кузьмин ехал в такую даль?

– Спросите меня «Зачем?» и я отвечу! Мы соберем самых успешных певиц столицы, он послушает их лучшие песни и украдет весь репертуар наших кафе-шантанов.

Мармеладов шумно отодвинул тарелку с нетронутым цыпленком и потянулся к графину, чтобы налить воды. Толстяк истолковал этот жест по-своему, затараторил испуганно:

– Нет, нет, только не уходите! Вы уж простите меня, Иван Яковлевич, я не рискнул бы вас обидеть столь резким словом. Не смог подобрать ничего иного, по смыслу подходящего. Украдет – это я, так сказать, с глубочайшим почтением. Преклоняюсь перед вашим замыслом. Восхищен и раздавлен! Как же я сам ничего эдакого не придумал. Одним махом собрать все песни и уехать с ними в Париж. Гениально! Божественно!

Холодзяжко лил елей через край, умасливая парижского гостя. Сыщик притворно нахмурил брови, и поднес салфетку к губам, чтобы скрыть улыбку.

– Как же он запомнит столько всего? – изумился Пьетро. – Романсы, куплеты, водевильчики...

– Мой доверчивый недотепа! Скольких певиц вы хотели показать завтра нашему парижскому гостю? Дюжину?

– Вроде того. Всех, кто совпадает с приметам из телеграммы...

– Дюжину или вроде того. Поверьте, и я бы привел не меньше. Выходит, две дюжины, – толстяк умудрялся есть суп в перерывах между возгласами и стенаниями, тарелка его почти опустела. – Две дюжины, как вам это нравится?! Каждая споет по две песни, ведь любая из них мечтает уехать в Париж. А сколько он обещал заплатить?

– Сто рублей.

– Сто рублей вам, сто рублей мне. Выходит двести рублей. За эти крохотные деньги г-н Кузьмин услышит полсотни песен. Полсотни! Этот репертуар принесет ему многие тысячи! А

запоминать уважаемому гостю не придется. Запоминать будет она, – пухлый палец устремился к лицу Полины, девушка брезгливо поморщилась и отвернулась. – Слыхал я, что есть такие уникамы. Память у них с секретом. Услышат раз песню – и могут повторить дословно. Причем на любом языке, даже когда языка этого совсем не знают.

– Возможно ли такое? – лицо Пьетро покрылось испариной.

– Еще бы невозможно! – Холодзяжко откинулся на спинку стула и сделал знак половому принести котлеты. – Заметьте, что г-н Кузьмин не спорит и не пытается оппонировать мне. Сей факт доказывает, что я категорически прав. Не правда ли? Признайте, что моя пронительность, так сказать, впечатлила вас и заставила отказаться от вероломных намерений.

Мармеладов покаянно опустил голову:

– Вы раскусили мой замысел.

– Замысел? Да это мошенничество! – Пьетро вскочил, возмущенно потрясая кулаками.

– Ну-ну-ну, мой славный мальчик, не нам с вами размахивать лилейным знаменем добродетели! – увещевал толстяк, пожирая котлеты. – Сами не без греха, но ведь на раскаявшихся, так сказать, грешниках весь мир стоит, и стоять будет. Ныне, присно и во веки веков. А в том, что г-н Кузьмин раскаивается, я уверен, как в том, что эти котлеты нарубили из телятины. Не желаете попробовать и убедиться? – он наколол кусочек на вилку и помахал перед лицом импресарио. – Нет? И прекрасно, мне же больше достанется. Но они из телятины, уж поверьте на слово.

– Что вы привязались со своей телятиной! – продолжал яриться долговязый. – Жрите хоть жабу болотную. Нам-то что теперь делать?

Сыщик не успел ничего сказать, Холодзяжко накинулся на него, размахивая вилкой, будто шпагой:

– Мы будем делать ровно то, для чего нас наняли, а вот г-ну Кузьмину придется раскошелиться. Да, да, вытрясайте все из своих карманов! Знаменитый петербургский репертуар стоит гораздо дороже двухсот рублей, слышите? Придется вам заплатить по тысяче каждому! И не станем обижать друг друга презренными вексельчками или банковскими билетиками – сами знаете, их легко подделать. Охота вам получить расчет, так сказать, фантиками от конфет, мой алчущий соратник? Ни Боже мой! Вы желаете забрать свою тысячу полновесным золотом. И я тоже желаю этого, всем сердцем желаю. А сердце у меня, осмелюсь доложить вам, огромное и страстное.

– Погодите, Тарас! – зашикал Пьетро. – Меня совсем запутали ваши езуитские выкрутасы! Вы предлагаете привести певиц на завтрашнее прослушивание, как мы и собирались сделать это с самого начала, и отдать наши песни этому парижскому франту. Так?

– Так, именно так и только так!

– Но вы же сами возмущались и клеймили г-на Кузьмина...

– Клеймил? Я? – фыркнул Холодзяжко в стакан с клюквенным морсом. – Ну, пусть клеймил, если вы так это расценили. Надеюсь, наш достопочтенный гость имеет на сей счет отличное от вашего мнение. Ибо, поверьте, Иван Яковлевич, я никогда не осмелился бы клеймить столь благородного представителя нашего круга. Я лишь смиренно умолял прислушаться к голосу справедливости, и если справедливость избрала, так сказать, мой голос – пусть будет именно так. Главное, что ни вы, ни я, ни г-н Кузьмин, – никто не останется внакладе. Видите, как замечательно я все уладил?

– Мамма миа, что за балабол! Я ни хрена не понял.

– Да что же тут понимать? Ступайте, мой непонятливый строптивец, и готовьте вашу дюжину к выступлению. А уж я позабочусь, чтобы нам выплатили все до последнего грошика.

Долговязый Пьетро кивнул и поспешно вышел из кухмистерской. Ему настолько опротивело словоблудие толстяка, что к горлу подкатила тошнота. Но уже на улице предвкушение щедрого вознаграждения, которое нежданно-негаданно выросло в десять раз, вызвало у него

ощущение полнейшего счастья, и к стрелке Васильевского острова импресарио подходил, уже беззаботно насвистывая.

V

В это время у фон Дервиза подали чай с вареньем. Тарас Холодзяжко схватил с блюда самый большой крендель и сжевал его в полной тишине – чинно, неторопливо, будто на светском приеме. Страхнул крошки с сюртука и горделиво изрек:

– Итак, я устранил подлого обманщика. Обсудим ваши интересы в более приятном, так сказать, ключе.

– Обманщика? – Мармеладов изобразил изумление.

– Конечно! Этот Пьетро хочет выставить дюжину девиц, подходящих под приметы, описанные в телеграмме. Но половина его брюнеток – крашенные, уверяю вас, а картавить их можно научить за полчаса. Любая шансонетка со стажем сумеет обмануть и доверчивую публику, и такого разборчивого профессионала, как вы. Которая бы вам не приглянулась, не показалась той самой девицей – окажется l'imitation¹³, а попросту говоря – фальшивкой.

– Почему вы так уверены в этом?

– Да потому что я знаю, какую именно барышню вы ищете!

Толстяк ухватил вазочку с вареньем и отхлебнул прямо через край. Затем достал из кармана телеграмму и прочитал ее, обильно сдабривая собственными комментариями:

– “Для парижского варьете мне нужна брюнетка возрастом до двадцати лет...” В петербургских кафе-шантанах столь юных певиц можно пересчитать по пальцам. Нашей публике по нраву красотки постарше, более искушенные в амурных делах, чтобы двигались соблазнительно и навевали сладость грез... Хотя иные девы уже с четырнадцати лет полноправно владеют секретами обольщения, но это редкость, да-с... Кх-м! “С чистым сопрано...” Здесь, доложу я вам, еще меньше вариантов. Отыщи-ка ты чистый голос в сигарном дыму! У нас ведь не опера, Иван Яковлевич, и даже не оперетта. Сцену окружают столики, публика курит беспрестанно, оттого мои соловушки сипнут и хрипят, но мужчинам-то как раз это нравится. Хриплый шепоток придает любой беседе пикантности. Посудите сами, когда барышня обвиняет вас обнаженными руками, а свечи задуты, захочется ли вам оперных рулад? Сомнева-а-аюсь. Но для варьете, допустим... Допустим... Что вы там еще требовали? “И чтобы изящно картавила...” О, этот парижский шик! Елисейские поля, о-ля-ля... При таких запросах остается лишь одна подходящая певица. Казалось бы, все сладилось. Укажи которая и забирай сто рублей. Вчера, получив телеграмму, я так и намеревался поступить. Но утром, так сказать, на свежую голову, вдруг почувал неладное. А я, знаете ли, всегда доверяю своему чутью!

Холодзяжко щелкнул себя по кончику огромного носа и замолчал, буравя глазами сыщика. Тот ответил, добавив в открытую улыбку крохотное зернышко насмешки:

– Что же подсказывает ваше чутье?

– Подсказывает, г-н Кузьмин. Подск-а-а-азывает, уж будьте покойны... Мне известно, что в прошлом годе в Петербург приезжали князь Монако и герцог Савойский. Инкогнито и без объявления, но я умею слушать там и тут, а потому всегда в курсе визитов высокопоставленных особ, – толстяк надулся от гордости. – И князь, и герцог, как говорят, немалые выпивохи, любят шататься по увеселительным заведениям. Могли они забрести в один из наших кафе-шантанов? Конечно, могли. Туда пускают кого угодно, были бы денюжки. Могли они увидеть там молоденькую певичку? Могли, и не только увидеть, а то и пощупать, при должной сноровке. И вот я спрашиваю вас, г-н Кузьмин... Прошу со всей серьезностью ответить на этот вопрос... Могли они влюбиться в эту милую девочку с фиалковыми глазами, роскошной косой до пояса и легкой картвинкой, столь уютно звучащей для утонченного французского слуха? О, не утруждайте себя ответом! Я все читаю по вашему лицу, будто это открытая книга. Кто

¹³ Подделка, имитация (французск.)

же из них потерял голову? Кто не в силах забыть юную чаровницу? Князь? Или герцог? А если представить, что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.